ISSN 0800-2557

REVUE DES ÉTUDES SLAVES

TOME QUATRE-VINGT-TROISIÈME Fascicule 2-3

La lettre et l'esprit : entre langue et culture Études à la mémoire de Jean Breuillard

PARIS 2012

Из корпусных наблюдений над лексикой: о семантической эволюции и «лексических маркерах»

1. Введение

ОРОШО ИЗВЕСТНО, ЧТО ПОЯВЛЕНИЕ КОРПУСНЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ языка в целом и лексики в частности (в данных заметках будет идти речь в основном о лексике) заставили лингвистов пересмотреть многие взгляды на природу языка и на способы анализа языковых данных. Одна из главных особенностей корпуса состоит в том, что он конечен (хотя и сколь угодно велик); тем самым, в корпусе абстрактные языковые механизмы получают конкретное материальное воплощение – их можно исчислить, измерить, оценить. Язык при корпусном подходе перестает быть виртуальной сущностью, т.е. компетенцией «идеального носителя» (или, что бывает чаще, самого исследователя) – он становится совокупностью зафиксированных текстов. Тем самым, в теоретическом плане, корпусная лингвистика (как это, впрочем, уже тоже отмечалось не раз) находится в оппозиции к ряду ключевых постулатов структурализма (и унаследовавшего их генеративизма): корпус в каком-то смысле отменяет – или, во всяком случае, существенно ослабляет – противопоставление языка и речи, компетенции и употребления, нормы и узуса, синхронии и диахронии и даже правильного и неправильного: язык в корпусе представлен как единое целое, существующее на протяжении длительного временного отрезка, в разных индивидуальных, локальных, стилистических вариантах и т. п. Единственное противопоставление, которым корпус оперирует взамен - это «существующее» и «не существующее» в корпусе; остальные параметры языковых явлений оказываются по отношению к этому главному вторичны.

Собственно говоря, теоретическая лингвистика второй половины XX века (в частности, когнитивная) и до появления корпусов развивалась примерно в том же направлении нейтрализации жестких структуралистских дихотомий (см., например, обзор этих тенденций в Geeraerts 1988). Но конкретные исследования — в частности, в славистике — во многом оставались в русле прежней парадигмы: действительно, деление славистов, например, на специалистов по «современному языку» и по «истории

языка» казалось прочным и незыблемым. Специалисту по современному русскому языку вряд ли приходило в голову обратиться к фактам языка xvIII века для подтверждения своих гипотез — да у него и не было хороших технических возможностей это сделать.

Мы хотели бы показать, что использование даже такого пока еще не во всем совершенного инструмента, как недавно созданный Национальный корпус русского языка (по состоянию на январь 2011 г. включающий ок. 200 млн. словоупотреблений во всех типах текстов от начала XVIII до начала XXI в.), может изменить эти представления о природе языка не только в теории, но и в исследовательской практике, так что диахронические данные окажутся по-новому востребованными и в синхронных описаниях.

Имеются в виду не столько диахронические изменения на большом промежутке времени (пока корпусные возможности для таких наблюдений достаточно ограниченны), сколько гораздо менее изученные — но не менее интересные! — изменения, так сказать, «микродиахронического плана», т.е. в течение примерно одного-двух столетий существования языка. Часто это плавные, малозаметные изменения, плохо осознаваемые носителями языка (из-за чего могут возникать трудности в понимании и интерпретации текстов, созданных век или два назад) и почти не фиксируемые словарями. Однако для семантической теории (не говоря уже о практической лексикографии) эти изменения крайне важны, ибо добавляют огромный и практически неисследованный эмпирический материал к тому, что известно по большей части только из анализа текстов на мертвых языках или этимологий далеко разошедшихся когнатов.

Ниже мы хотели бы предложить три этюда, выполненных на материале Национального корпуса русского языка и посвященных как раз таким случаям нетривиальной семантической эволюции: они касаются истории наречия ввечеру, существительного жуть (и прилагательного жуткий), а также двух конструкций в начальной стадии грамматикализации с близким (но не тождественным) значением: на сегодняшний день и по нынешним временам.

Случаи, которые мы рассматриваем, в целом достаточно разные (этим они и интересны), однако нельзя не увидеть в них и проявления некоторых общих закономерностей.

- 1. Многие из анализируемых языковых единиц в какой-то период своей жизни в языке отчетливо тяготеют к определенным *типам текстов* (например, научно-публицистическим или поэтическим) и в этом смысле могут рассматриваться как «лексические маркеры» этих текстов. Список таких единиц крайне важен для целого ряда задач (включая прикладные), но изучена эта область еще недостаточно корпусные методы могут и здесь способствовать существенному прогрессу ¹.
- 1. См. об этом также более раннее исследование Ляшевская, Рахилина 2008, посвященное корпусному анализу слова *проблема*.

- 2. С другой стороны, процессы семантической эволюции, описываемые нами для разных единиц, оказываются важны для понимания тонких механизмов процессов *грамматикализации*, которые в современных исследованиях, особенно общего характера, часто представляются слишком упрощенно и схематически именно потому, что чаще всего фиксируют только начальную и конечную точку такого изменения, упуская или не имея доступа к материалу, отражающему последовательные этапы мелких промежуточных градуальных изменений, составляющих данный процесс.
- 3. Наконец, на этих примерах видно, что языковые изменения какой бы природы они ни были и какую бы функциональную нагрузку ни несли всегда системны. Они проявляются не сразу сначала у отдельных носителей. Их развитие не равномерно: в одних текстах еще старая норма, а в других уже новая. Но и те, и другие эффекты, как мы покажем, не случайны и не спонтанны они всегда окажутся мотивированы, если только попробовать подробнее вникнуть в суть лексического материала.

2. Ввечеру: маркер поэтического текста как этап на пути к исчезновению

Наш первый этюд будет посвящен истории слова *ввечеру*. Она достаточно интересна в деталях, хотя общая траектория развития этого слова далеко не уникальна: это уходящая из языка лексическая единица, на определенном этапе закрепившаяся в поэтических текстах и ставшая в силу этого своего рода лексическим «поэтизмом», которых в языке русской классической поэзии вообще довольно много.

В грамматическом отношении ввечеру представляет собой наречие времени, возникшее (по-видимому, в XVI-XVII вв.) из сочетания предлога в и особой формы локативного («второго предложного») падежа существительного вечер. Вне этого сочетания слово вечер во втором предложном падеже не употребляется (и не употреблялось с самого начала существования современной литературной нормы); в частности, в современном языке абсолютно невозможны свободные сочетания вида *в летнем вечеру (однако такие сочетания не встречаются, по данным Корпуса, уже и в текстах XVIII-XIX вв. — во всех засвидетельствованных примерах существительное следует непосредственно после предлога). Более того, даже в обычной форме предложного падежа слово вечер в литературном языке с предлогом в во временном значении не употребляется: правильной конструкцией будет либо аккузативная (в этом вечер, с обязательной конструкцией будет либо аккузативная (в этом вечер, с обязательной конструкцией будет либо аккузативная (в этом вечер, с обязательное собязательное собязательно

ным определением), либо инструментальная ([этим] вечером)², но не *в [этом] вечере. Следует заметить, что и сама форма второго предложного для многосложных слов типа вечер в современном языке крайне нехарактерна (существительных мужского рода с двусложной основой, имеющих эту форму, насчитывается буквально единицы: берег, холод и нек. др.), так что восприятие единицы ввечеру именно как наречия, а не как свободного сочетания предлога и существительного убедительно поддерживается целым рядом различных морфологических факторов³.

Замечание. Очевидным образом, ключевым фактором здесь является невозможность анализа формы ввечеру как полноценной падежной формы от вечер: пока такой анализ был допустим, и сочетание ввечеру еще могло восприниматься как предложно-падежное. Интересно, что именно на таком анализе настаивал М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» (1755), где специально отмечал: «Некоторые неправильно соединяют предлоги раздельные с именами, которые с ними знаменованием [= 'значением', $B.\Pi.$, E.P.] походят на наречия: ввечеру, нанизу вместо в вечеру, на низу, ибо вечер и низ суть существительные с предлогами, сочиненные в пристойных падежах и в надлежащем знаменовании.» Это нормализаторское предостережение свидетельствует, по всей вероятности, в первую очередь как раз о том, что во времена Ломоносова процесс перехода предложного сочетания в наречие уже начал происходить (хотя форма второго предложного еще не была утрачена). Во многих текстах XVIII и первой половины XIX века сочетание в вечеру (в полном соответствии с рекомендациями Ломоносова) еще писалось раздельно, и по крайней мере для части таких случаев можно предполагать, что интуицией пишущего вечеру воспринималась как полноценная падежная форма существительного. Ср. некоторые примеры из Корпуса:

- [1] Расположение фрунта армий наших в вечеру 4-го числа следующее: [...]. (А. А. Щербинин, *Военный журнал 1813 года*, 1813)
- [2] На другой день Его Высочество посетил данный для него в Благородном Собрании маскерад; 11 числа по утру осматривал Оружейный завод, в вечеру того же дня был в театре, а 12 числа отправился в дальнейший путь.

  (Записка офицера штаба корпуса жандармов М. Л. Бегичева в III отделение, 1829)

(Saimona opingopa mraoa nopinyoa mangapinob ivi. 51. Born toba b iti orgonomino, 1025)

Эпизодически раздельное написание сохраняется и позже, вплоть до середины хх в. (в основном уже не в литературных текстах, а в бытовых – дневниках, частных письмах, и т. п.); показателен пример из изданных

- 2. Приблизительно до конца XIX-начала XX в. употреблялась еще дативная конструкция с предлогом по (по вечеру), ср., например: Через длинную галерею стоял небольшой домашний театр княжего дома, в котором по вечеру играли; в нём-то было назначено свиданье. [А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ, Страшное гаданье (1831)]; особенно частотна она у Достоевского. В языке XX века такие примеры единичны: в современных текстах они встречаются только в качестве нарочитой стилизации например, в прозе В. Распутина или А. Солженицына. Та же конструкция, однако, продолжает употребляться с формой множественного числа (по вечерам); определения в этой конструкции не допускаются, что отчасти сближает ее с темпоральным наречием: ср. зимними вечерами, но не *по зимним вечерами.
- 3. Подробнее о русском втором предложном падеже см. Плунгян 2002, о грамматике русских обстоятельственных конструкций, выражающих время Nesset 2004.

в 1998 г. ленинградских блокадных дневников А. Болдырева (1909 года рождения) — текст этот вообще во многих чертах демонстрирует подчеркнуто архаичный стиль:

[3] Ночью ещё захворала Галя вдобавок ко всему, желудком, но в вечеру ей стало лучше. [Александр Болдырев, *Осадная запись (блокадный дневник)*, 1941-1948]

С другой стороны, в ряде текстов XVIII-начала XIX в., также преимущественно бытового характера (в частности, в дневниках Д. М. Волконского, в публицистике М. М. Щербатова, в мемуарах полковника А. К. Карпова и др.) отмечается другое любопытное явление — написание ввечеру как вечеру, т. е. без сохранения предлога на письме. Если в таких случаях (а они далеко не единичны) мы не имеем дело с чисто орфографическим явлением, то, по-видимому, следует считать, что подобное написание отражает упрощение в произношении начальной группы согласных, свойственное либо части носителей, либо определенному языковому регистру. Ср.:

- [4] Иззябши возвращался Государь **вечеру** на квартеру, тут встречала его невеста его княжна Долгорукова, со множеством жен и девиц, и бал начинался, которой иногда гораздо поздно в ночь был продолжен.
  - (М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России, 1786-1787)
- [5] Повидавшись с ним там, обедали у Валуевых, а **вечеру** поехали в Валуево, успокоить там всех. (Д. М. Волконский. *Дневник*, 1812-1814 гг., 1812-1813)

В семантическом отношении ввечеру, по-видимому, полностью синонимично инструментальной форме вечером — наиболее распространенному и стандартному средству указания на локализацию ситуации в вечернее время суток. Различия между ними скорее сводятся к более ограниченным синтаксическим возможностям ввечеру, которое, как уже было сказано, не сочетается ни с какими определениями — ср., напротив, широкую употребительность конструкций вида этим / летним вечером. Не исключено, что именно эти сочетаемостные ограничения и обусловили постепенную утрату ввечеру: из двух синонимичных обстоятельств времени сохранилось то, которое обладало более широкими синтаксическими возможностями.

Однако процесс утраты наречия ввечеру был вовсе не прямолинейным. Наиболее интересный факт, относящийся к истории его употребления в русском языке, состоит, на наш взгляд, в том, что, по крайней мере в течение XIX века, его частотность стала резко различаться по жанрам: если в прозе наблюдается постоянный спад его употребительности, то в поэзии, напротив, это слово продолжает активно использоваться. Таким образом, для XIX века ввечеру становится бесспорным лексическим «поэтизмом»: маркером принадлежности текста к поэтическому жанру. Статистика здесь весьма показательная — по актуальным данным Корпуса, употребительность на 1 миллион слов (WPM) для пары вечером ~ ввечеру в текстах до 1920 г. следующая:

	WPM в прозе	WPM в поэзии
вечером	155	52,9
ввечеру	6,9	11,3

Т. е. в поэтических текстах XIX-начала XX века *вечером* не только встречается примерно в 3 раза реже, чем в прозаических (что само по себе значимо), но и превосходит *ввечеру* по частотности лишь примерно в 5 раз (в прозаических текстах – более, чем в 20 раз!).

Таким образом, можно сказать, что в поэзии XIX века ввечеру было нейтральным и равноправным коррелятом по отношению к вечером (и даже несколько более частотным); к более подробному обсуждению этого факта мы вернемся ниже. Что же касается прозы, то у авторов первой трети XIX в. ввечеру встречается еще достаточно часто; особенно много примеров его употребления у Карамзина и у писателей-романтиков – Нарежного, Погорельского, Бестужева-Марлинского, а также у Гоголя (примечательно, что у Пушкина в художественной прозе это слово, в отличие от поэзии, не встречается ни разу и лишь один раз употреблено в письмах). Для этого периода характерно нередкое использование ввечеру не только в художественных текстах, но и в официальных документах, рапортах, отчетах и т.п. Во второй половине XIX в. сферой функционирования ввечеру остается уже преимущественно художественная проза. Но даже и у авторов второй половины XIX века его употребления, несмотря на заметное снижение частотности, производят впечатление стилистически нейтральных: примеры встречаются в целом ряде произведений Достоевского, Л. Толстого, Лескова и многих других, ср.:

- [6] Ввечеру хозяин вернулся с рыбной ловли и, узнав, что ему будут платить за квартиру, усмирил свою бабу и удовлетворил требованиям Ванюши.
  - (Л. Н. Толстой, Казаки, 1863)
- [7] Когда ввечеру князь Андрей пришел к нему и, стараясь расшевелить его, стал рассказывать ему о кампании молодого графа Каменского, старый князь неожиданно начал с ним разговор о княжне Марье, осуждая её за её суеверие, за её нелюбовь к m-lle Bourienne, которая, по его словам, была одна истинно предана ему.
  (Л. Н. Толстой, Война и мир, том третий, 1867-1869)
- [8] **Ввечеру** осторожный смотритель сказал Горданову, что его непременно хочет видеть Ропшин. (Н. С. Лесков, *На ножах*, 1870)
- [9] Ещё до дому не дошёл, к майору потребовали, потом пришлось в роту зайти, так что домой воротился совсем **ввечеру**. (Ф. М. Достоевский, *Идиот*, 1869)
- [10] По отрывочным словам, сопровождавшим эту операцию, можно было понять, что речь идёт о Петьке. Это было уже **ввечеру**. Петька на заднем дворе играл сам с собою в «классики» и надувал щёки, потому что так прыгать было значительно легче. [Л. Н. Андреев. Петька на даче (1899)]

Перемены в языковом поведении *ввечеру* начинают обозначаться особенно явно приблизительно после 1920 г. Помимо того, что резко

снижается его употребительность — всего около 40 примеров на весь массив современных текстов — резко меняется и круг текстов, в которых это наречие встречается: в основном это то, что позднее назовут «деревенской прозой», т.е. данное слово перестает быть нейтральным авторским и становится средством создания особой речевой характеристики персонажа или особого стилистического колорита. Общее стилистическое поле, в которое, начиная с этого времени, прочно попадает ввечеру — деревенское просторечие. Таким образом, это слово перестает быть нейтральным и приобретает «простонародную» окраску. Даже не обладая интуицией носителя языка, этот вывод легко сделать, просто проанализировав список текстов: это произведения М. Шолохова, С. Клычкова, Б. Шергина, В. Белова, В. Астафьева и т. п.; характерны и сами контексты, обычно довольно интенсивно насыщенные и другими маркерами диалектной речи или просторечия, ср., например:

- [11] Ноне сел на машину, а **ввечеру** уже и на станции. (Василий Белов, *За тремя волоками*, 1965) диалектное *ноне* 'теперь'.
- [12] Поспрашивал в поликлинике и сговорился: нашел приходящую женщину (час утром, два ввечеру) Марь Ванна, так она представилась.

(Владимир Маканин, *Андеграунд*, *или герой нашего времени*, 1996-1997) — Марь Ванна как характерный просторечный вариант имени Мария Ивановна; просторечное сговорился вместо нейтрального договорился.

Другой характерный тип контекстов, в которых начинает появляться ввечеру — это художественная историческая проза, в которой имитируется речь героев российской истории, в основном событий двухсот-трехсотлетней давности. В исторической прозе ввечеру как устойчивый маркер «старинного слога» возникает чуть позже, чем в группе просторечно-деревенских текстов: по-видимому, вытеснение этого слова из нейтрального регистра происходило постепенно, и для использования его как исторического маркера в сознании пишущих оно должно было уже прочно закрепиться как устаревшее и невозможное в нейтральных контекстах. Действительно, исторические тексты, содержащие ввечеру, в основном создаются во второй половине хх века: это исторические романы Ю. Германа, Ю. Давыдова и др.

Наконец, последний тип контекстов, в которых в современном языке можно встретить *ввечеру* — это иронические контексты. Ироническое использование просторечной и устаревшей лексики совершенно естественно и многократно отмечалось в рамках наиболее распространенных стратегий языковой игры говорящих (ср., например, Земская 1983); такого рода примеры, в небольшом количестве встречаясь в современных текстах, маркируют одну из двух распространенных в русской устной культуре «речевых масок» — либо имитацию деревенского просторечия, либо имитацию рафинированной культуры XIX в. (в обоих случаях ироническую). Так, первый тип речевой маски можно видеть в примере [13] из газетной заметки популярного спортивного комментатора В. Уткина, второй тип — в примере [14], отрывке из дневника Д. Самойлова. Вне

контекста эти примеры могут показаться вполне нейтральными, и лишь зная время их создания, можно, так сказать, «заподозрить подделку». Действительно, внимательный анализ не оставляет сомнения в том, что в обоих этих примерах проступает авторская ирония: Уткин, играя с читателем, изображает простодушного мужичка, Самойлов описывает неудачную попытку ухаживания за попутчицами, иронизируя над собой.

[13] А в промежутке заставили бегать телевизионные дела – по средам, если кто не знает, ввечеру как раз и записывается программа «Наш футбол на НТВ».

(Василий Уткин, «Виноват ли арбитр в неудаче "Спартака"?», Советский спорт, 17.8.2007)

[14] Ввечеру я стоял у оперного театра, купив четыре билета.

(Давид Самойлов, Общий дневник, 1977-1989)

Как уже говорилось, на фоне этой постепенной маргинализации ввечеру обращает на себя внимание относительная устойчивость этого слова в языке русской классической поэзии. Там ввечеру тоже постепенно отступало, но, во-первых, медленней, а во-вторых, на протяжении всего XIX и начала XX века его позиции в поэзии были значительно прочнее, чем в прозе. Можно утверждать, что только в поэзии ввечеру и было полноправным синонимом слова вечером – во всех других типах текстов конкуренция была неравная. В чём причина такой неравномерности? На первый взгляд, ничего особенно «поэтического» в слове ввечеру нет более того, в XX веке это слово было вытеснено в сферу просторечия, от поэзии весьма далекую. Но, по-видимому, одно очень важное свойство указать можно: это особые возможности ввечеру в позиции рифмы. Действительно, слово вечером как рифма крайне неудобно (ввиду дактилического окончания и редкого типа финали); по данным Корпуса, до начала XX века оно в этой позиции не встречается вообще ни разу, и на попытки рифмовать слово вечером отваживаются только поэты-модернисты XX века – первым, видимо, был Андрей Белый, дважды использовавший экзотическую рифму вечером ~ глетичером (впоследствии эту же рифму воспроизведет Георгий Иванов в 1954 г.).

Напротив, ввечеру явно тяготеет к позиции рифмы (эта тенденция особенно усиливается со второй половины XIX в., когда, как мы помним, в прозе уже начинается падение употребительности ввечеру); важную роль играет также фонетическое сходство двух наречий времени – поутру и ввечеру (в стихах они не обязательно рифмуются, но нередко просто располагаются рядом – ср., например:

«Нет, капитан; я никакой другой Молитвы, кроме Отче наш не знаю; Я с матерью вседневно **поутру** И **ввечеру** ее читал»

(В. А. Жуковский, *Капитан Бопп:* «*На корабле купеческом Медузе...»*, 1842; стих нерифмованный).

Рифма $noympy \sim ввечеру$ – одна из самых частотных, но нередки и другие: uzpy, ympy, беру, в миру, и т. п. (всё – употребительная и семантически

богато нагруженная поэтическая лексика). Не отказывали себе поэты и в экзотических рифмах: так, Бальмонт в 1914 г. рифмует ввечеру с кенгуру:

Там, где быстрая играла кенгуру,
— Овцы, овцы, поутру и ввечеру.
(Чёрный лебедь: «Австралийский чёрный лебедь на волне...»)

а Гумилёв в 1921 г. – даже с названием африканского народа кру

И когда в океан ввечеру Погрузится небесное око, Рыболовов из племени кру Паруса забредают далёко.

(Либерия: «Берег Верхней Гвинеи богат...»).

Таким образом, продление «срока жизни» слова ввечеру в поэзии объясняется, по всей вероятности, его исключительно удачным фонетическим обликом. Тем не менее, к первым десятилетиям хх века частотность этого слова и в поэзии начинает падать. Здесь показательны следующие сопоставительные цифры по отдельным крупным поэтам хіх и начала хх веков 4 (жирным шрифтом выделены те авторы, у которых частотность ввечеру выше или равна частотности вечером):

	вечером	ввечеру	ввечеру не в позиции рифмы
Державин	0	1	1
Жуковский	9	9	6
Катенин	0	1	0
Вяземский	4	0	_
Пушкин	5	3	0
Фет	5	2	0
Ап. Майков	2	3	2
Некрасов	18	0	_
Никитин	9	1	1
Апухтин	8	1	0
Надсон	4	0	_
Мережковский	10	1	1
Вяч. Иванов	0	6	1
Бальмонт	4	2	0
Кузмин	6	1	0
Балтрушайтис	1	2	1
Брюсов	18	0	_
Блок	5	7	2
Белый	5	0	_

^{4.} Данные по Ахматовой, Пастернаку, Цветаевой, Есенину, Хлебникову и Маяковскому приводятся по словарю Григорьев, Шестакова 2000; остальные данные – из Корпуса.

	вечером	ввечеру	ввечеру не в позиции рифмы
Садовской	5	1	1
Скалдин	1	2	0
С. Соловьёв	5	4	1
Хлебников	7	0	_
Гумилёв	18	2	0
Ахматова	5	1	1
Пастернак	0	1	0
Мандельштам	8	0	_
Цветаева	5	1	0
Маяковский	2	0	_
Г. Иванов	9	1	0
Есенин	4	1	0

Как можно видеть, колебания в употреблении вечером и ввечеру очень индивидуальны, но всё же некоторые тенденции указать можно. По-видимому, Жуковский – последний автор, у которого ввечеру еще является абсолютно полноправным синонимом вечером (существенно значительное число употреблений ввечеру вне позиции рифмы, чего позже уже не встречаем ни у какого другого поэта). Далее можно зафиксировать «среднюю поэтическую норму» для XIX в., которая состоит в примерном равенстве употреблений вечером и ввечеру (с колебаниями в ту или другую сторону), но в основном за счет попадания ввечеру в позицию рифмы. Резкое отклонение от этой нормы – у «прозаического» Некрасова, который ввечеру не употребляет вообще (как, впрочем, и ряд других поэтов XIX в.); на рубеже веков аналогичное распределение демонстрирует «рационалист» Брюсов. Более молодые поэты удерживают ввечеру в позиции рифмы, но в единичных количествах – иногда специально щеголяя редкой рифмой, как Бальмонт и Гумилёв. Заслуживает внимания случай Ахматовой, которая единственная среди поэтов своего поколения употребила ввечеру не в позиции рифмы (Не поцелуемся мы утром рано, / А ввечеру не поглядим в окно, 1913); здесь вполне могло бы стоять и вечером (столь же хорошо укладывающееся в ритмику 5-стопного ямба), но в таком лексическом выборе, возможно, сказалась присущая Ахматовой склонность к нередкому вкраплению в поэтическую ткань элементов просторечия – в качестве своего рода речевой маски⁵.

^{5.} Среди таких элементов, кстати, встречаются и нелитературные формы второго предложного: так, в стихах Ахматовой разного времени несколько раз появляется форма в дому.

Самыми интересными, однако, в указанном отношении среди поэтов этого периода оказываются два автора: Вячеслав Иванов и Блок. Иванов вообще не употребляет слово *вечером*, но многократно — *ввечеру*, причем в позиции рифмы — только один раз; по этому параметру он превосходит даже Жуковского. В принципе, ничего удивительного в этом нет, если вспомнить, что стилистической программой Вяч. Иванова была последовательная архаизация поэтического языка, ориентированная на допушкинскую норму, т.е. скорее на русский XVIII в. — и по крайней мере по отношению к слову *ввечеру* Вяч. Иванов поступил лингвистически абсолютно законно.

Еще показательней случай Блока. Из поэтов хх века он – один из самых последовательных приверженцев слова ввечеру (и тоже далеко не всегда в позиции рифмы), однако в распределении вечером и ввечеру у Блока прослеживается любопытная закономерность: все примеры со словом ввечеру относятся к периоду между 1900 и 1903 гг. (это ранний Блок, представленный, в основном, книгой «Стихи о прекрасной даме»), тогда как все примеры со словом вечером – к периоду между 1902 и 1914 гг. (это поздний Блок, значительно изменивший поэтику и стилистку). Таким образом, перед нами как бы два разных поэта, один из которых в сильной степени ориентируется на «усадебную лирику» второй половины XIX в. (Фета, Майкова, Апухтина и др., влияние которых на раннего Блока общеизвестно), а второй становится в стилистическом отношении в полной мере поэтом XX, а не XIX века. Как бы то ни было, Блок – последний русский поэт, употреблявший ввечеру (а) в большом количестве случаев, (б) чаще, чем вечером и (в) во всех позициях стихотворной строки. Сочетание всех трех названных свойств не встречается больше ни у одного младшего поэта (да и далеко не всем старшим, как мы видели, оно было присуще). Даже у ровесника Блока Андрея Белого, в начальный период тесно связанного с ним и в творчестве, это наречие уже не встречается ни разу (вместо этого Андрей Белый, как мы помним, предпочитал изобретать экзотические рифмы к слову вечером). А вся последующая история ввечеру в русской поэзии – это переход от авторов, которые употребляют это слово всего один или два раза в позиции рифмы (показатель этот чуть выше только у стилизатора Сергея Соловьёва, примыкавшего к младшим символистам), к авторам, которые уже не употребляют его вообще.

3. Жуть: от мистицизма к просторечию

История слова *жуть* также обнаруживает несколько неожиданных обстоятельств. Первое из них — сравнительно поздний срок фиксации этого слова в литературном языке; второе — те типы текстов, в которых оно появляется; третье — его последующая семантическая эволюция. Разберем их поочередно.

Самые ранние примеры со словом жуть, зафиксированные в Корпусе, относятся к последней четверти XIX в. и принадлежат Лескову: они встречается в его очерках Архиерей 1879 г. (Живыми и мёртвыми здесь обладает какая-то жуть, от которой даже бедной покойнице беспокойно) и Дама и фефёла 1894 г.; второй пример особенно интересен и заслуживает цитирования в более пространном контексте:

[15] Скучать ей было некогда, а если ей случалось оставаться одной и поджидать поздно ночью своего господина, то она чувствовала «жуть» и тоже нашла чем себе помочь в этом горе: она брала из пачки писательских фотографий карточку Александра Дюма с его страшно кучерявою шевелюрой и начинала её рассматривать: «тогда ей тотчас же становилось смешно», и жуткость проходила.

Вкус Лескова к языковым экспериментам, равно как и его чуткость к языковым новшествам эпохи общеизвестны. Неудивительно, что он оказался одним из первых писателей (если не первым), который зафиксировал слово, видимо, вошедшее в язык незадолго до этого. В примере [15] характерны кавычки, передающие речь героини и в то же время подчеркивающие еще неосвоенный облик нового слова, которое подается как индивидуальная новация; более того, чуть ниже, когда прямая речь сменяется авторской, Лесков употребляет другое слово — жуткость. Словообразовательно оно построено по той же модели — как деадъективное существительное, образованное от прилагательного жуткий, но в современном языке не употребительно и кажется таким же авторским новообразованием. Тем самым, весь контекст [15] убедительно демонстрирует, что слово жуть в 90-е годы XIX века еще воспринимается как экзотическое словообразовательное производное, едва ли привычное носителю литературной нормы того времени.

Между тем, само исходное прилагательное жуткий (и тесно связанный с ним предикатив жутко) в русском языке XIX в. вовсе не было экзотическим. Правда, в текстах XVIII в. в Корпусе примеров его употребления нет, но уже со второй половины 1820-х гг. они становятся многочисленными – в основном, в текстах писателей-романтиков, любителей народной мистики и сильных эффектов: сначала у О. Сомова, М. Загоскина, И. Лажечникова, позднее – у Достоевского, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Тургенева и многих других авторов. Примеры эти заслуживают более подробного разбора. Контексты, типичные для прилагательного жуткий, довольно отчетливо делятся на два класса: более ранние прямые употребления, описывающие определенные эмоции, и более поздние употребления в качестве интенсификатора, с утраченным основным значением. В прямых употреблениях жуткий соотносится со свойством объекта-стимула внушать человеку сильное эмоциональное состояние страха или потрясения, как правило, вызванное необычными параметрами стимула: часто стимул опасен, внушает угрозу – и часто эта угроза связана с какими-то сверхъестественными особенностями стимула. Таким образом, жуткий в своем исходном значении ассоциируется не просто со страхом, но со страхом, вызванным сверхъестественными причинами: это страх перед необъяснимым, потусторонним и опасным. Эмоция эта сильная: когда человеку жутко, у него перехватывает дыхание, тело бьет дрожь, он не может двинуться с места и т.п. Не случайна высокая частотность этого прилагательного в ранней русской романтической прозе, описывающей оживших мертвецов, привидения, ночные прогулки по кладбищу и тому подобные типичные источники жутких ощущений. Ср. несколько показательных примеров:

- [16] Не скажу, чтоб я сильно испугался, потому что я не кричал и не упал в обморок; однако ж, признаться, мне было жутко: меня то холод пронимал до костей, то бросало в такой жар, что на дыхании моём можно б было изжарить фазана; дух захватило и голосу не стало. (О. М. Сомов, Приказ с того света, 1827)
- [17] Нет, братец, ныне времена жуткие. Курицы по всем частям поют петухом, петухи несутся; сказывают, и оборотень свиньёю бегает по городу: вчера у дворца хотел её часовой штыком, ан штык у него пополам.

(И. И. Лажечников, Ледяной дом, 1835)

[18] Нам всем было **жутко** в темноте; мы жались один к другому и ничего не говорили. (Л. Н. Толстой, *Детство*, 1852)

Такого рода примеры, в принципе, возможны и в современном языке, хотя их частотность не очень велика. Данные Корпуса показывают, что это значение, которое можно условно назвать 'мистический ужас', возникает у разных авторов достаточно регулярно на протяжение всего периода со второй четверти XIX в. и по крайней мере до середины XX в., ср.:

- [19] В большевиках есть что-то запредельное, потустороннее. Этим жутки они. Магические токи и энергия исходят из самого среднего большевика.
  - (Н. А. Бердяев, Размышления о русской революции, 1924)
- [20] С изумительной силой интуитивного проникновения изображена жуткая стихия русского народа в романе Андрея Белого «Серебряный голубь».
  (Н. А. Бердяев, Миросозериание Достоевского, 1923)
- [21] Но в нём жила непреодолимая потребность «воображать» и, совсем вразрез с его жизнерадостностью, воображать по преимуществу что-нибудь жуткое, сверхъестественное, мистическое. (А. В. Амфитеатров, Чудодей, 1932)
- [22] Пожалуйста, только не надо мистики; я прекрасно понимаю, что они [картины В.П., Е.Р.] висят, как висели днём; мне приходилось много раз дежурить по ночам в музее и делать ночные обходы; немножко жутко, но ничего особенно не про- исходит; я, впрочем, ходил всегда в сопровождении сторожа, и один не пошёл бы [...]. (Н. Н. Пунин, Дневники. Письма, 1941-1953)

В текстах второй половины XX в. такие примеры еще более редки и воспринимаются скорее как принадлежность «книжного» стиля, но, тем не менее, встречаются:

[23] Как в кошмарном сновидении, прикованный к месту жуткой и непонятной силой, он стоял и дивился тому, что остекленевший, немигающий глаз Рогатой материоленихи не бережётся топора. (Чингиз Айтматов, Белый пароход, 1970)

При этом достаточно рано у прилагательного *жуткий* можно наблюдать процесс семантической эволюции. Вначале возникают примеры, в которых оно еще продолжает обозначать сильную отрицательную эмоцию,

но не обязательно связанную с потусторонним ужасом, а скорее просто с сильным внутренним дискомфортом. Так, пример [24] обозначает неприятные, но вовсе не сверхъестественно ужасные ощущения человека в тесном замкнутом пространстве, пример [25] описывает беспокойство и тревогу, вызванные всего лишь предстоящей разлукой, пример [26] – угрызения совести чувствительной натуры, пример [27] – неприятные ощущения от общества недовольного и ворчливого собеседника:

[24] Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими жёлтенькими, пыльными и всюду отставшими от стен обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и всё казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок.

(Ф. М. Достоевский, Преступление и наказание, 1866)

[25] Мне мочи нет, как горько и в то же время легко, словно человеку, который отправляется в далёкое путешествие, за море: ему тошно расставаться с друзьями, ему жутко, а между тем море так весело шумит, ветер так свежо дует ему в лицо, что кровь невольно играет в его жилах, как сердце в нём ни тяжело...

[И. С. Тургенев, Месяц в деревне, 1850)

[26] Мне только иногда жутко бывает думать, что дружба Ваша гораздо выше меры моих действительных достоинств.

[П. И. Чайковский, Переписка с Н. Ф. фон-Мекк, 1879)

[27] Не шутя, граф, вы очень злы. С вами жить скучно и **жутко**. Всегда вы брюзжите, ворчите, все у вас подлецы и негодяи. (А. П. Чехов, *Иванов*, 1887)

С точки зрения современного языка такие употребления воспринимаются немного странно: более подходящим в данных контекстах кажется синоним типа *тяжело*, *неприятно* или *не по себе*, выражающий менее сильную степень отрицательных ощущений. Особенно характерно подобное значение для конструкций типа *X-у жутко приходится / пришлось* (*от Y-а*)⁶, реже *жутко становится / стало*, в современном языке полностью утраченных (они засвидетельствованы в Корпусе с самого раннего периода): здесь *жутко* означает именно 'тяжело' и соотносится с ситуацией, когда человека преследуют, угнетают, обращают в бегство, плохо обращаются с ним и т. п., т. е. подвергают его скорее значительным физическим испытаниям или неприятностям, но ни в коей мере не испытанию сверхъестественным ужасом. Ср. примеры [28]-[31]:

- [28] Чай, нашим становится жутко; вот уж часа три, как они быотся с поляками. (М. Н. Загоскин, Юрий Милославский, или русские в 1612 году, 1829) речь идет об угрозе военного поражения (сейчас сказали бы становится туго), к эмоциям ужаса данный контекст отношения не имеет.
- [29] Каждый будет к вам требования предъявлять, а иной раз и такие, от которых жутко придётся. (М. Е. Салтыков-Щедрин, Мелочи жизни, 1886-1887) от требований будет не страшно (как подумал бы современный носитель языка!), а именно тяжело и неприятно, так как эти требования будут суровыми и, возможно, несправедливыми.

^{6.} Диалектный и просторечный вариант этой конструкции, также изредка встречающийся в текстах, — жутко пришло / придёт.

- [30] Отцу его, Ивану Прокофьичу, приходилось уж больно жутко от односельчан.
  (П. Д. Боборыкин, Василий Тёркин, 1892)
- [31] Трём батальонам вверенного мне полка приходится довольно жутко, т. к. с тифлисцами мы несём все тяжести караульной службы, что летом здесь довольно утомительно. (Великий князь Николай Михайлович, *Письма к императору Николаю II*, 1896) речь идет о тяготах военной службы, утомительных, но, разумеется, не имеющих никакого отношения к потусторонним ужасам.

Естественным продолжением такого семантического развития оказывается превращение прилагательного жуткий сначала в маркер отрицательной оценки (жуткая погода; ср. также сочетание жуткое дело, обозначающее общую отрицательную оценку ситуации и фактически превратившееся в междометие), а потом – в интенсификатор, который обозначает просто сильную степень проявления признака, как – чаще – отрицательного (жутко грязный), так и положительного (жутко доволен). Такие употребления возникают, как можно полагать, приблизительно с 1920-х гг., вначале в качестве сленговых (в 1927 г. Ильф и Петров в романе «Двенадцать стульев» иронизировали над Эллочкой, якобы говорившей «при встрече с доброй знакомой» жуткая встреча ^{7}), но довольно быстро эволюционируют в сторону разговорно-нейтральных, ср. примеры [32]-[33], передающие непринужденную разговорную речь (первый – из дневниковых записей), и пример [20], отражающий нейтральное авторское повествование (хотя и выдержанное в ироническом ключе):

- [32] Работа идёт но в жутких условиях, основная причина: плохие дрова (брак казённая поставка). (В. И. Вернадский, Дневники: 1926-1934 гг., 1926-1934)
- [33] Ну конечно, господин какой-то его палкой по роже... Скандалище жуткий! (М. А. Булгаков, *Театральный роман*, 1936-1937)
- [34] Но оказались в спальне вещи и похуже: на ювелиршином пуфе в развязной позе развалился некто третий, именно жутких размеров чёрный кот со стопкой водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой. (М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита, 1929-1940)

Ко второй половине XX века контексты типа [32]-[34] становятся доминирующими⁸, оттесняя все остальные на периферию (некоторые интерпретации, как мы видели, в современном языке уже невозможны); вот несколько показательных примеров этих новейших употреблений:

[35] Я могу сколько угодно оправдывать тупость и зверство этого парня [...], социальные условия, **жуткое** воспитание, всё, что угодно, но я теперь отчётливо вижу, что это мой враг [...].

(Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий, Трудно быть богом, 1963)

- 7. Отметим, что так по-русски всё-таки не могла бы сказать даже Эллочка: сочетание жуткая встреча в языке XX века вполне может означать 'неудачная', но не может означать 'удачная', так как слово встреча допускает оценочный модификатор, но не допускает интенсификатора (в отличие от сочетаний типа жуткое везение или жутко смешной, где интенсификатор модифицирует лексему с встроенной положительной оценкой). Ср. реальный пример из Корпуса: Каждую минуту можно было ожидать ещё какой-нибудь жуткой встречи с жутким начальством. (В. С. Трубецкой. Записки кирасира, 1936-1937).
- 8. Впрочем, пуристы долго осуждали такие употребления: еще в 1962 г. в книге *Живой как* жизнь К. И. Чуковский возмущался сочетанием жутко мошная книжка.

- [36] Тебе приятно, что это мы его вылечили? Мне жутко приятно. (Бенедикт Сарнов, *Юра Красиков творит чудеса*, 1969)
- [37] В комнате было по-прежнему натоплено и жутко разило клеем. (Владимир Корнилов, *Демобилизация*, 1969-1971)
- [38] Конечно, есть их пока было нельзя жуткая кислятина, слезами изойдёшь. (Александр Рекемчук, *Мальчики*, 1970)

Интересно, что некоторые более ранние примеры также допускают возможность интерпретации жуткий как интенсификатора (особенно если смотреть на них глазами современного носителя языка), однако внимательный анализ всё же заставляет считать их выражающими скорее эмоциональное значение, возможно, прагматически совмещенное со значением высокой степени, ср.:

- [39] Измученный жуткой неопределённостью дня, я заснул одетый на постели, когда жена разбудила меня. (Л. Н. Андреев, Из рассказа, который никогда не будет окончен, 1907) – просто сильная неопределенность или (скорее всего) сильная и роковая?
- [40] Но догоревшая свеча жутко полыхала, по запертому на ключ номеру плыли и дрожали страшные тёмные волны... (И. А. Бунин, *Казимир Станиславович*, 1916) свеча полыхала очень сильно или (скорее всего) в ее полыхании при этом было нечто инфернальное?

Можно полагать, что именно такие контексты и обуславливают возникновение интенсифицирующего значения, в результате семантического процесса, известного как «конвенционализация импликатуры». Подробнее об этом процессе (как раз на примере частотных качественных прилагательных русского языка) см. недавнее обобщающее исследование Рахилина, Резникова, Карпова 2010, где для его описания вводится специальный термин «ребрендинг».

Таким образом, расцвет употребительности прилагательного жумкий приходится на середину XIX-начало XX в., когда его полисемия была развита в наибольшей степени и начала возникать почва для появления оценочного и интенсифицирующего значения. Любопытным образом, больше всего примеров с этим прилагательным, по данным корпуса, встречается не у писателей-мистиков, склонных к размышлению о сверхъестественных явлениях (хотя в текстах Тургенева, Л. Андреева, Ф. Сологуба или впечатлительного философа Бердяева их, конечно, тоже немало), а у писателей-«реалистов», описывавших ужасы и тяжесть повседневной действительности — Крестовского, Вересаева, Чехова и особенно Бунина и М. Горького.

На этом фоне как раз и начинает активно употребляться производное существительное *жуть*. Напомним, что в массовом порядке это слово возникает в текстах на рубеже XIX и XX веков⁹, и его семантическое развитие

^{9.} Более раннюю фиксацию обнаруживает практически неупотребительное в современном языке слово *жуткость* (ср. еще раз показательный пример из Лескова в начале раздела): примеры на его употребление встречаются с 1820-х гг. (т. е. одновременно с прилагательным *жуткий*), в том числе у Л. Толстого, Тургенева, Блока, но с конца 1930-х гг. практически полностью исчезают.

отчасти (хотя и не во всех деталях) повторяет историю слова жуткий. Первоначальное его значение четко совпадает с исходным значением прилагательного: это ощущение ужаса при столкновении со сверхъестественным (особенно в сочетании жуть берёт) или – метонимически – совокупность таких явлений, от которых человека берёт жуть (т.е. 'нечто жуткое'); ср. образованные по той же модели отадъективные существительные (часто с отрицательной оценкой) типа муть 10, голь, нечисть и т. п.

Возможно, неслучайно вхождение этого слова в язык совпало с массовым интересом общества к мистике и сверхъестественным явлениям. Так получилось, что в первые десятилетия своего существования слово жуть стало своего рода стилистическим маркером «декадентского» текста. Наибольшую частотность оно первоначально имеет у таких авторов, как Л. Андреев, М. Арцыбашев, С. Мстиславский 11, А. Белый (как в прозе, так и в поэзии). Фраза из романа Арцыбашева Одна за другой исчезли безгласные птички, и тишина кладбища стала сдвигаться таинственной жутью нездешнего мира [У последней черты (1910-1912)] дает вполне исчерпывающее представление о том семантическом ореоле, в котором это слово (видимо, обладавшее значительной экспрессивностью) первоначально выступает. То же (и даже в большей степени) характерно для русской поэзии того времени: первая фиксация слова жуть в поэтическом корпусе – разумеется, у Ф. Сологуба (1893) 12, далее находим такие имена, как А. Белый, И. Анненский (Знаю, завтра от тягостной жути / Буду сам на себя непохожим..., Старые эстонки, 1906), Тиняков, С. Соловьёв, Брюсов, З. Гиппиус, т. е. поэты, склонные, если можно так выразиться, к эпатажному мистицизму (в этом определении важны обе части) 13. У Вяч. Иванова, Блока, Волошина и у акмеистов (кроме одного примера у Ахматовой – возможно, под влиянием Анненского) это слово не встречается – оно не из их лексикона. Следующие поколение поэтов, у которых слово жуть частотно – это уже скорее

Зарница на небе проблещет, Не расцвечая пыльный путь, Где травка хилая трепещет, И где в канавках дремлет **жуть**.

(«Истомный зной, но мне отрадна...», 14.6.1893).

^{10.} Кстати, в поэзии начала XX века *муть* нередко используется как рифма к *жуть*; ср. также грамматический эксперимент А. Белого с нормально не употребляемыми формами множественного числа: *Полнится мутями / Всё бытиё*: / *Полнится жутями / Сердце моё*. [Мути: «Поле убогое...» (1901, 1929)]. О слове *жуть* в поэзии см. подробнее ниже.

^{11.} В мистическом романе «Крыша мира» (1905). Любопытно, что, когда много лет спустя, уже в качестве советского писателя, Мстиславский выпустил повесть для детей о большевике Н. Баумане «Грач — птица весенняя» (1937), в ней слово жуть не встречается ни разу (в отличие от прилагательного жуткий, частотность которого примерно одинаково в обоих произведениях).

^{12.} Контекст вполне характерный для «мелкого демонизма» этого автора:

^{13.} Сам Андрей Белый в конце жизни так характеризовал этот семантический слой: [...] ей нравились в моей поэзии совершенно по-детски поданные багровые луны, самоубийцы, вампиры и прочие «жути» (Начало века, 1930); пристрастие Белого к аномальному множественному числу этого слова мы уже отмечали выше.

авторы, склонные к разговорной эмоциональности: Пастернак (7 употреблений), Есенин, Цветаева, Маяковский. Примечательно, что из трех прозаиков-реалистов, наиболее приверженных прилагательному жуткий, — это, напомним, Чехов, Бунин и Горький — все три проявляют к слову жуть достаточно прохладное отношение, граничащее с полным игнорированием — в представленных в Корпусе произведениях Чехова это слово не зафиксировано ни разу, у Горького — всего дважды (против 99 употреблений прилагательного жуткий!), у Бунина его частотность несколько выше (ср., например: Как дело на вечер, я сам не свой: такая тоска, такая жуть! (Суходол, 1911), но только в прозе — в его стихах оно также не встречается ни разу, что естественно, если вспомнить ту подчеркнутую неприязнь, с которой Бунин всю жизнь дистанцировался от того, что считал проявлениями «декадентства» в поэзии. У Блока также жуткий встречается достаточно часто, а жуть — ни разу (зато один раз — жуткость).

Дальнейшая семантическая эволюция существительного жуть во многом повторяет путь прилагательного жуткий: это то же развитие от обозначения эмоционального состояния до маркера отрицательной оценки (жуть что за книга и изолированного жуть! или жуть какая! в качестве общеотрицательной оценки ситуации) и простого интенсификатора (жуть как красиво и т.п.). При этом, как и в случае с жуткий, в своем исходном значении $\approx$ 'чувство неясного ужаса от соприкосновения с необъяснимым или сверхъестественным' слово жуть также продолжает употребляться, хотя количественно такие примеры в современном корпусе незначительны, ср.:

[41] Нет ни одной живой души, которая не затомилась бы от жути, когда в потоках испарений и льющихся красок багряное солнце спускается за дальний предел земной тверди. (Владимир Скрипкин, Тинга, 2002)

Однако по сравнению с историей слова жуткий, семантическая эволюция слова жуть происходила гораздо стремительнее, заняв не одно столетие, а всего около тридцати лет, и в ней, как кажется, не было тех промежуточных этапов, которые мы наблюдали в значении жуткий. Рубежом здесь также были 1920-е гг.: события революции и гражданской войны в России вызвали, что неудивительно, значительный рост употреблений обоих слов, особенно слова жуть (например, их частотность оказывается неожиданно высокой в «Очерках русской смуты» Деникина [1922], в послереволюционных произведениях И. Шмелёва, А. Н. Толстого и др.). Таким образом, с исчезновением декадентской культуры один из ее лексических маркеров, слово жуть, не исчезает, а резко меняет стилистику, становясь показателем отрицательной оценки и интенсивности — сначала простонародным и сленговым, а впоследствии приобретая большую нейтральность (хотя и оставаясь в разговорном регистре).

Впрочем, отдельные примеры интенсифицирующего употребления слова жуть встречаются и раньше — в основном, как имитация диалектной крестьянской речи и часто в составе выражения до жути. Один из самых ранних примеров — опять-таки, из прозы Бунина:

[42] — Скрытен он стал, народ-то! Прямо **жуть**, как скрытен! — говорил Тихон Ильич. (И. А. Бунин, Деревня, 1909-1910)

Ср. также примеры 1920-х годов, демонстрирующие уже практически завершившийся переход в интенсификаторы, хотя иногда и со следами исходной полноценной семантики:

- [43] Ну, до чего всё это до жути омерзительно... (М. М. Пришвин, Дневники, 1920)
- [44] Совершенно исключительная по перламутровой прелести небольшая картина «Жемчужина» написана им в этот же период и несколько позже – превосходный, до жути выразительный портрет поэта Брюсова, оставшийся неоконченным [...]. (С. К. Маковский, Врубель и Рерих, 1921)
- [45] [...] ответил кто-то в углу до жути знакомым голосом. (М. С. Шагинян, *Месс-Менд*, или Янки в Петрограде, 1923-1924)
- [46] И невыносимая скорбь ходит со мной в этих до жути роскошных залах... (И. С. Шмелёв, Солнце мертвых, 1923)

Более новые примеры, как кажется, демонстрируют окончательно завершившуюся карьеру слова *жуть*, в семантике которого уже не осталось и следа от былого налета декадентской мистики:

- [47] Подходишь к кабинету врача, а там народу опять жуть.
  - (Лион Измайлов, Поликлиника, 1985)
- [48] Она к тому времени стала какой-то старой по облику женщиной с небрежным пучком на затылке, с сетью морщин вокруг глаз и рта, кое-как одетая, но такая до жути самостоятельная, что никто не мог и представить её замужем.
  - (Галина Щербакова, Ах, Маня..., 2002)
- [49] Погода **жуть**! Льёт, тьма, рыжее, низкое небо...

(Нина Катерли, Сквозь сумрак бытия, 2002)

Sic transit gloria mundi.

4. Конструкции времени в начале грамматикализации

4.1. На сегодняшний день

История

В Корпусе первые примеры употреблений сочетания *на сегодняшний день* встречаются в двух текстах начала XIX в, точнее, 1812 года, причем разных жанров – в цитате из письма [50] и из военных документов [51]:

- [50] Шаховские еще остаются здесь на сегодняшний день, следовательно, мы все будем вместе.
  - (М. А. Волкова, «Письма к В. А. Ланской, 1812)», Русский архив, № 12, 1872)
- [51] Представленные ко мне от казаков пленные объявили, что им был вчерашний день растах [нем. Rasttag 'день отдыха'] для приготовления к сражению на сегодняшний день.
  (К. К. Сиверс, Документы, 1812)

В обоих случаях оно служит обстоятельством времени со значением длительности и имеет значение 'на период сегодняшнего дня', которое непосредственно выводится из семантики составляющих его лексем. В таком — исходном — значении сочетание *на сегодняшний день* встречается до 40-х годов хх века, однако уже по крайней мере в третьей четверти хіх-го оно используется и иначе. Это демонстрирует следующий пример из научной прозы:

[52] Я думаю даже, что все возможные на сегодняшний день правдоподобные объяснения случаев изомерии в большей или меньшей степени покоятся на этих принципах, которые, как я сказал выше, должны быть развиты как можно дальше. (А. М. Бутлеров, Теоретические и экспериментальные работы по химии, 1851-1886)

Очевидно, что в тексте работы Бутлерова речь не идет об отсылке к конкретному периоду сегодняшнего дня — ясно, что и синтаксис, и семантика этого употребления смещены и нестандартны для своего времени: сказано так, что этот отрывок вполне можно принять за современный научный текст. Между тем в корпусе это единственный пример такого рода — до 30-х годов хх века. В промежутке на сегодняшний день встретилось только в беллетристике — у Достоевского, Мельникова-Печерского, Надсона, Брюсова, Пришвина — и только во временном значении. Даже в публицистике 1920-х годов это традиционное значение еще присутствует:

[53] Все распоряжения Совета на сегодняшний день — День Петроградского Совета остаются в полной своей силе.

(Н. Н. Суханов. Записки о революции, Книга 7, 1918-1921)

Но с 30-х годов XX века количество смещенных употреблений растет внезапно и лавинообразно, практически вытесняя временное к 40-м годам. Видно, что область применения не-временных употреблений — прежде всего революционно-бюрократический дискурс рапортов и отчетов, в которых актуальная картина противопоставляется предшествовавшей:

- [54] Если на 1 октября 1930 г. в нем было 26 колхозов с 11,4 % обобществленных бедняцко-середняцких хозяйств, то **на сегодняшний день** в районе около 100 сельскохозяйственных артелей (на июль 96) и 74 % коллективизированных хозяйств.
  - (Н. Х. Виленская, В. Н. Клычин, На лыжах по окрестностям Ленинграда, 1930)
- [55] Вообще картина **на сегодняшний день** по Коксохимкомбинату такая... (В. П. Катаев, *Время, вперед!*, 1931-1932)

Корпусные данные показывают, что к концу сороковых годов исходное собственно временное значение оказывается практически полностью утраченным: используя конструкцию *на сегодняшний день*, двадцатилетние носители языка просто не ощущают возможной омонимии, ср. пример [56], представляющий цитату из дневников (NB! — т. е. уже не публицистики и не канцелярского дискурса) В. Н. Гельфанда (род. 1923):

[56] Нет писем и я молчу, – таков мой девиз на сегодняшний день.

(В. Н. Гельфанд, Дневники 1944-1946 гг.)

Очевидно, что автор дневников не имел в виду провозгласить «однодневный» девиз, действующий сегодня, но не вчера и не завтра — он привык следовать этому правилу какое-то время, так что к настоящему моменту оно возводится им в статус девиза.

Тем не менее, по-видимому, носители устойчивой старой литературной нормы, представляющие предыдущие поколения, отчетливо ощущают новизну такого рода употреблений – ср. кавычки у Александра Болдырева (род. 1909):

[57] Вся эта громада неудержимо катится на Германию, властители которой уже стреляются из за углов. Вот как **«на сегодняшний день»**.

[Александр Болдырев, Осадная запись (блокадный дневник), 1941-1948]

Любопытно, что в дневниковых записях Г. С. Эфрона начала сороковых, представляющих для нас очень интересный тип источника (молодой человек — род. 1925, воспитанный на классической русской норме, сохраненной эмигрантской средой, но пишущий уже после нескольких лет жизни в советской России) встречается подряд два примера с нашим сочетанием, причем один временной [58], а другой [59] — с новым, смещенным значением:

- [58] Так что вот мой план **на сегодняшний день**: утром поговорить с домкомом насчёт карточек, затем добраться до Столешникова, посмотреть, можно ли купить [...] пирожных. (Г. С. Эфрон, *Дневники*, т. 2, 1941-1943)
- [59] [...] сумерки, греется кофе; на столе сливочное масло и лепёшка (вернее, остатки того и другого), так что всё в порядке на сегодняшний день.

(Г. С. Эфрон, Дневники, т. 2, 1941-1943)

Конечно, эпизодически исходное, временное значение может встретиться и гораздо позже, ср. пример [60] из текста 1970-х годов, в «сильном» для этого значения контексте существительного *план*, но по сравнению с основной массой примеров таких употреблений все же ничтожное меньшинство.

[60] Двухчасовое воздушное путешествие, безусловно, не входило в его планы на сегодняшний день.

(Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий, Жук в муравейнике, 1979)

Показателен в этом отношении современный пример [61], где тоже, на первый взгляд, представлен естественный для временного употребления контекст:

[61] Никаких особых надежд на сегодняшний день уже не питают.

(Столица, 29.9.1997)

Однако он может быть «прочитан» двумя способами: и как временное ('люди не надеются на то, что что-то хорошее случится сегодня') и как более современное, смещенное употребление ('сейчас люди уже не склонны ни на что надеяться [а раньше были склонны]').

Синхронное описание

Главная особенность нового, смещенного употребления *на сегодняшний* $\partial e h b - B$ том, что оно не является обстоятельством времени.

Действительно, как мы помним, в исходном случае это сочетание обозначает время – точнее, время как некоторый срок, т.е. период. По сравнению с фрагментом временной оси, которому соответствует главный предикат, этот период отнесен в будущее – он является объектом планирования того или иного рода (ср. из корпусных примеров: приготовление, распоряжение, повестка, программа, план, а также: просьба об отпуске, требование гарантий и под.). Будучи объектом планирования, он вводится особым предлогом на (как в: планировать на). В нашем случае отрезок времени, на который составлен план, определяется как длина наступившего (= сегодняшнего) дня. Ср.: остаться на сегодняшний день = 'на период наступившего дня' [50], распоряжения на сегодняшний день [53] и под. Таким образом, учитывая все отмеченные нюансы, в целом можно квалифицировать такое обстоятельство как обстоятельство длительности — пусть и особого рода (подробнее о типах обстоятельств длительности см., например, Haspelmath 1997).

Между тем в смещенных употреблениях, к обсуждению которых мы переходим, о длительности не может быть речи: главным предикатом в них служит стативная ситуация, см. следующий перечень, взятый из корпусных примеров: имеет, является монополистом, не существует, практически отсутствует, установлено, максимально приближено к реальности и под. Такого рода стативы и сами не имеют длительности, и не связаны ни с какой активностью (активным планированием) на будущий период. Временной детерминант предложения в целом, в который в этих условиях вынужденно (ср. понятие coercion ¹⁴) превращается на сегодняшний день, соотносит стативную ситуацию с настоящим (= 'сегодняшний день'), указывая, что в момент речи имеется то или иное положение дел. Однако такая информация может быть значима только для временного (т. е. переменного) состояния, поэтому любая ситуация, помещенная в такой контекст, интерпретируется как временная, ср.: на сегодняшний день он директор большого института / отец семерых детей / ?мужчина (только при возможности смены пола).

В подавляющем большинстве случаев переменное состояние с некоторым конкретным значением в настоящий момент воспринимается как достигшее этого значения в недавнем прошлом и сохраняющее теперь – т.е. как результат какого-то имплицитного процесса изменения. Ср. типичные корпусные контексты:

^{14.} Подробное описание *coercion* – как эффекта вынужденного семантического сдвига – дается нами в Рахилина, Кузнецова 2010 со ссылками на работы Б. Парти, Р. Джэкендоффа и Л. Михаэлис (см. историю вопроса и обсуждение в Міснаєція 2005).

[62] На сегодняшний день наш флот насчитывает более трех тысяч судов ['раньше было меньше: количество возросло']; На сегодняшний день их идеология совершенно не годится ['раньше годилась – нечто изменилось в жизни или идеологии']; На сегодняшний день ВДВ своей оперативной задачи не имеют ['раньше имели – задачи перестали быть актуальными']; На сегодняшний день в рамках всей отрасли действуют только два директивных документа ['количество документов уменьшилось'] – и др. под.

Вектор семантического развития

Из всего сказанного следует, что в контексте предикатов состояния *на сегодняшний день* становится маркером результативной ситуации бытийного типа. Такой специальный маркер аспектуальной ситуации особого рода оказался настолько востребованным, что постепенно приобрел возможность реструктуризации ситуации, попадающей в его сферу действия: теперь практически любой глагол, будучи помещен в контекст *на сегодняшний день*, приобретает значение результативной стативности, ср. например:

[63] [...] на сегодняшний день действуют шесть комитетов, осуществляющих наблюдение за выполнением государствами-участниками конкретных договоров [...] (Адвокат, 18.1.1999)

Исходно глагольная семантика здесь агентивна: *действовать* описывает контролируемую целенаправленную ситуацию. Однако в контексте детерминанта семантика глагола стативизируется — в данном случае, это, кстати не очень трудно благодаря известным исходным свойствам глагола *действовать*, который легко сдвигается в (стативную) бытийную зону, так что действие комитетов воспринимается только как форма их существования, ср.: 'на сегодняшний день имеется шесть комитетов ...¹⁵

Пример [64] тоже перестраивает семантику предложения, но следует иной стратегии:

[64] **На сегодняшний день** Москва предложила свою индивидуальную технологию проведения единого государственного экзамена. (*Независимая газета*, 12.2.2003)

Действительно, обратим внимание на то, что в этом предложении, в отличие от предыдущего, представлена форма прошедшего, а не настоящего времени. Такое рассогласование было бы странно в контексте прямого значения — если бы оно было стативным; ср. серию глаголов из [63]: все они стоят в настоящем времени. Но исходное значение *предлагать* далеко не стативно. Это агентивный глагол целенаправленного действия, так что в готовом виде его семантика никак не вписывается в эту серию — она требует стативизации. И как инструмент стативизации форма прошедшего времени как раз очень удобна: она позволяет иначе прочесть

^{15.} Эффекты, связанные со сдвигом предикатов в бытийную зону, хорошо описаны в русистике – см., например, Вавву 1980, Арутюнова, Ширяев 1983, Guiraud-Weber 1984 и др. Обсуждение этой проблематики см. также в серии работ, посвященных употреблению субъектного и объектного родительного при отрицании: Падучева 1997, Борщев, Парти 2002, сборник Рахилина (ред.) 2008.

предложение в целом в контексте детерминанта, интерпретируя его как уже достигнутое в недавнем прошлом (в результате предшествующего процесса) состояние, которое теперь и наличествует:

[65] «На сегодняшний день имеется следующее положение дел. Оно сводится к тому, что Москва предложила технологию…» (точнее было бы: 'Москвой [уже] предложена технология')

Не случайно во многих предложениях с агентивным предикатом форма прошедшего времени «поддержана» частицей *уже*, характерной для контекстов результирующих состояний, ср.:

- [66] **На сегодняшний день** свои услуги предложили уже четыре частные психиатрические клиники. (Столица, 17.2.1997)
- [67] **На сегодняшний день** таможня уже подготовила списки тех, кто, по ее мнению, является наиболее приемлемым кандидатом на прохождение упрощенного оформления. [*Известия*, 27.12.2001]

Любопытно, что, квазиантнонимичная по отношению к *ужее* частица *еще* тоже выступает в контексте нашего аспектуального детерминанта в результативной функции, апеллируя к предшествующему процессу, ср. толкование примера [68]:

[68] А на сегодняшний день мы ещё не приобрели ни одной лампы – нет средств. [Встреча (Дубна), 18.6.2003] (= 'Должны были и собирались купить лампы [предшествовавший процесс, связанный с настоящим состоянием] – но не приобрели [отсутствие ожидаемого результата в момент речи]')

Дополнительным средством стативизации является, как известно, итеративная или хабитуальная семантика глагольной формы ¹⁶, появлению которой способствует множественное число субъекта или объекта: в таком случае единичные итерации могут быть объединены и обобщены как одна большая ситуация с постоянными характеристиками, а значит, стативной семантикой, ср.:

[69] По моим подсчетам, на Эверест на сегодняшний день взошли не менее полутора тысяч человек. (Совершенно секретно, 5.5.2003)

Множественное число субъекта хорошо для стативной интерпретации еще и тем, что оно соответствует менее конкретной и определенной ситуации. Поэтому первое лицо (напротив, максимально конкретизирующее и актуализирующее любую ситуацию) в наших новообразованных стативных контекстах встречается очень редко, а именно, в следующих двух примерах. Нельзя сказать, что в стилистическом отношении они абсолютно безупречны — тем не менее, то, что для каждого из них возможная интерпретация естественным образом укладывается в описанную выше стратегию стативизации, свидетельствует о продуктивности нашей конструкции и силе ее экспансии.

^{16.} Подробнее о хабитуальности как способе стативизации ситуации см. Плунгян 2011, ср. также Кузнепова 2010.

- [70] На сегодняшний день я сам создаю свой образ: занимаюсь внешностью, делаю свой мейкап, покупаю одежду. (Мурат Насыров, 2003, интервью) ('[Раньше мне помогали специалисты визажисты, дизайнеры одежды и др.]. Теперь ситуация другая: все нити процесса сходятся в одних руках, всё создается одним человеком').
- [71] Но на сегодняшний день я не верю, что очень сильно что-то изменится. (Генрих Падва, 2001, интервью) ('[Произошло столько событий, которые поставили под вопрос мою веру в лучшее, предшествовавший процесс], что теперь я [уже] не верю в перемены [результат]').

Таким образом, мы показали, что интересующая нас детерминантная конструкция довольно стремительно развивается как аспектуальный маркер; возможные пути ее грамматикализации можно усмотреть в следующих, пока нестандартных примерах.

- [72] **На сегодняшний день** Российская Федерация находилась в условиях чрезвычайного положения. (Евгений Прошкин, *Механика вечности*, 2001)
- [73] **На сегодняшний день** вчера мы вели переговоры с водолазами глубоководными, которые работают на, как вы знаете, на нефтяных вышках.

(Коммерсантъ-Власть, 29.8.2000)

В первом из них *сегодняшний день* указывает, на самом деле, на день как минимум вчерашний: речь идет о моменте, явно предшествовавшему моменту повествования — именно тогда имело место сложное положение Федерации. В таком случае сочетание утрачивает связь со своим лексическим наполнением и становится просто маркером результирующего состояния. Во втором примере, представляющем, видимо, неотредактированную расшифровку спонтанной устной речи, *на сегодняшний день* легко трансформирует контролируемое действие (*мы вели переговоры*), локализованное во времени (*вчера*), в актуальное состояние («отчет о положении дел») ¹⁷ как результат некоторого предшествовавшего подготовительного процесса.

Склонность этого детерминанта к нарушению существенных сочетаемостных ограничений свидетельствует о его бесспорном грамматическом потенциале.

Стативы и свойства

Помимо стативных предикатов с переменным значением, при которых на сегодняшний день является детерминантом с необычайно широкой сферой действия, охватывающей всё предложение целиком, он может обслуживать такую характерную и важную разновидность стативов как (переменные) признаки. Но тогда сфера его действия, наоборот, очень узка: фактически в нее попадает только прилагательное, предикатив или наречие, значение которых он уточняет как своего рода оператор контраста, ср., например:

^{17.} Ср. имитацию неправильной детской речи из известного стихотворения Сергея Михалкова: «А у нас сегодня кошка родила вчера котят», причем в том же значении «отчета о положении дел»: 'Вот как у нас обстоят дела сегодня: вчера кошка родила котят'.

- [74] А таких позиций **на сегодняшний день немало**: к примеру, Народная партия выступает против отмены смертной казни и жаждет пересажать людей нетрадиционной сексуальной ориентации. (*Газета*, 2003.06.30 = 'было меньше')
- [75] К примеру, на сегодняшний день очевидно, что отправка e-mail с телефона в Европе не прижилась. (А. А. Чернов, Становление глобального информационного общества, 2003 = 'было неочевидно')

Видно, что контекст переменного признака – другой по сравнению с просто стативными – не только с синтаксической, но и с семантической точки зрения. В самом деле, переменный признак, так же как и стативное состояние, противопоставлен какому-то другому значению – в частности, прошлому – но в отличие от состояния, он не связан когнитивно значимым образом с предшествующим процессом. Для состояний эта связь настолько существенна, что часто (и независимо от языка) состояние и предшествующий ему процесс объединяются метонимически и кодируются одними и теми же лексическими средствами.

Система признаковых значений устроена принципиально иначе: есть шкала, разные значения которой признак принимает. Чаще всего она реализуется в своем минимальном варианте и содержит только две противоположности, ср.:

```
'чистый' - 'грязный' 'длинный' - 'короткий' 'крутой' - 'пологий' 'легкий' - 'тяжелый'.
```

В некоторых случаях имеются и промежуточные значения:

'горячий' – 'теплый 'прохладный' – 'холодный' но и они представляют собой отдельные точки на шкале, а не отрезки. Тем самым, с языковой точки зрения, признаки неградуальны – и это отражается в их сочетаемостном поведении. В частности, для них в принципе равно естествен контраст и с прошлым, и с будущим, – и даже с тем и другим одновременно:

- [76] **На сегодняшний день** <u>неясно</u>, разные это частицы или же различные состояния одной и той же частицы.
  - (С. Г. Воронов, Mы живем в океане нейтрино // «Химия и жизнь», 1982 = 'в будущем будет ясно')
- [77] Прямо так и выразилось Первое на сегодняшний день лицо королевства. (Георгий Полонский, *Медовый месяц Золушки*, 1986 'раньше или позже это лицо не будет первым')

Видно, что теоретически – тип контраста для переменных признаков совершенно безразличен, и предшествующее состояние действительно не должно пользоваться у них никакими преференциями.

Между тем среди состояний контексты противопоставления настоящего состояния будущему, когда изменения только ожидаются, единичны, они практически не встречаются, ср., однако, следующий пример:

[78] **На сегодняшний день** искусственные алмазы уступают природным... (Еремей Парнов, *Третий глаз Шивы*, 1985 = 'пока еще уступают – возможно, потом будут равноценны')

Пример [79] представляет еще более редкий для стативов случай – когда состояние, представляющее в данном случае отрицание существования, может составлять как контраст с будущим, так и контраст с прошлым. Раритетность примера связана здесь еще и с тем, что, ввиду такой нестандартной омонимии в последнем случае (как и в соответствующих употреблениях переменных признаков) естественно, отсутствует типичный компонент результативности:

[79] Более того, на сегодняшний день в Солнечной системе нет ни одного небесного тела с такой активностью недр, как у Ио.

(Б. И. Силкин, «Странный мир Ио», *Химия и жизнь*, 1982 = 'уже исчезли или еще не возникли').

И тем не менее, выясняется, что своеобразная преемственность от стативных контекстов к признаковым все же имеется. Дело в том, что в большой части случаев в сферу действия оператора на сегодняшний день попадает признак в превосходной степени: создается впечатление, что в признаковой зоне этот оператор «склонен» специализироваться на таких употреблениях — и это, по-видимому, не случайно. Выражаемое ими пиковое значение представляется как абсолютный максимум, достигнутый к моменту речи — по сравнению со всеми предшествующими, а значит, отсылающий к градуальному процессу постепенного роста, результатом которого, как и для стативных ситуаций, является настоящий момент, ср.:

- [80] Это <u>самый</u> эффективный **на сегодняшний** день зарубежный проект «ЛУКОЙЛа». (*Нефтяник*, Пермь, 10.6.2003 'все, что было раньше, было заведомо менее эффективно').
- [81] Крепления эти <u>самые</u> «невесомые» из всех, известных **на сегодняшний день**. (*Техника молодежи*, 1977 : 'все, что были известны раньше более тяжелые'.)

В грамматической классификации такое значение нашего оператора можно определить как интенсификатор превосходной степени признака (предполагающий на контраст с его предшествующими значениями).

В свете всего сказанного интересно сравнить сочетание *на сегодняшний день* с другим маркером – *по нынешнем временам*. По всем внешним признакам эти фраземы должны быть близкими квазисинонимами: обе имеют трехкомпонентное строение с похожим составом:

- 1. локативный предлог со значением поверхностного контакта (суперлативный ha vs. пролативный no);
- 2. относительное прилагательное со значением настоящего времени (сегодняшний < сегодня vs. нынешний < ныне);
- 3. существительное с временным значением (день vs. времена).

Мы покажем, что при общей близости этих временных маркеров, они, тем не менее, обладают существенными для их семантики различиями, которые достаточно далеко разводят области их употребления.

4.2. По нынешнем временам

Семантика: пессимизм и упадок

По сравнению с *на сегодняшний день*, *по нынешним временам* оказывается во много раз более редким (по состоянию на январь 2011 г., всего 223 употребления на 176 млн. слов основного корпуса: WPM ≈ 1,3). Данная фразема появляется в НКРЯ более чем на полвека позже (70-е годы XIX столетия), причем сразу почти в том же значении, в котором употребляется в большинстве случаев и сейчас. Поскольку значение оценочно, стилистически это художественные и публицистические тексты, в которых имитируется разговорная речь: не удивительно, что из авторов конца XIX − начала XX вв. эта фразема частотна у П. И. Мельникова-Печерского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. А. Лейкина, П. Д. Боборыкина, М. А. Шолохова, Максима Горького, К. М. Станюковича, ср.:

[82] — По нынешним временам, сударыня Аксинья Захаровна, — продолжал свои речи Данило Тихоныч, — нашему брату купцу, особенно из молодых, никак невозможно старых обычаев во всем соблюсти.

(П. И. Мельников-Печерский, В лесах, книга первая, 1871-1874)

Легко видеть, что это выражение предполагает контраст¹⁸

- и, как правило (как и в случае *на сегодняшний день*), это контраст настоящего («нынешнего») с прошлым. В подавляющем большинстве случаев (см., однако, п. 2) *по нынешним временам* делает выбор в пользу прошлого: нынешнее оценивается говорящим отрицательно, ср. следующие примеры и наши комментарии к ним:
- [83] Больше всего меня привлекало в Александре Николаевиче одно бесценное по нынешним временам качество полное отсутствие вождизма, распространенной скверной болезни в нашей современной литературе [...]

  (Виктор Астафьев, Зрячий посох, 1978-1982)

  (Раньше, в прежние времена литераторы не страдали вождизмом; теперь времена ухудшились настолько, что отсутствие этого скверного качества является бесценной редкостью').
- [84] И, должен тебе сказать, это нормальные **по нынешним временам** менты. (Ольга Некрасова, *Платит последний*, 2000) ('Времена настолько плохи, что эти менты видимо, обладающие массой недостатков должны быть признаны вполне соответствующими своему статусу')
- [85] В общем, вроде все о' кей ан нет, не получается, просто не по натуре эта почти идиллия, редкая по нынешним временам, тянет куда-то, не поймешь куда. (Евгений Шкловский, Кладезь, 2003 'Времена такие, что «все о' кей» является не нормой [как раньше], а редкой идиллией')

В том же предложении возможна экспликация такого отношения говорящего к своему времени, рисующая удручающую картину современности, ср.:

^{18.} Впрочем, по-видимому, это распространенное и прагматически мотивированное свойство временных маркеров в целом, ср. *Теперь он Чебурашка* ('а раньше не был им'), *Он сейчас в Казани* ('а потом вернется'), *В этом году хороший урожай яблок* ('в отличие от прошлого или будущего') и под. (см. об этом, в частности, Мельчук 1995).

[86] По нынешним временам, при всеобщем, с прискорбием можно сказать, падении благочестия [...]; Особенно по нынешним временам, когда газеты беззастенчиво переименовывают банки в прачечные по отмыву краденых миллиардов [...]; По нынешним временам, когда все отчетливей проявляется апатия людей к выборам [...]; по нынешним временам, когда вся Россия и все русские в долгах как в шелках... – и пол.

Важно, что сама по себе идея отрицательной оценки возникает в примерах такого рода не случайно: она, как показано в Плунгян 1997, свойственна и входящей в это сочетание форме множественного числа времена (в отличие от единственного время) и проявляется в большинстве ее вхождений.

Если продолжать сравнение *по нынешним временам* с *на сегодняшний день*, можно заметить, что и та, и другая фразема постепенно меняла свою сферу действия: обе начинали с глагольных контекстов и потом постепенно «склонялись» к признаковым. В современных текстах в сферу действия *по нынешним временам* попадают почти исключительно признаки — обычно в форме прилагательных или наречий (ср. из корпуса: *по нынешним временам скромное, дорогое, далеко не тихое; по нынешним временам неплохо, небезопасно, и вовсе широко* и под.), но и признаковых существительных (*редкость, дефицит, и вовсе ретро* и под.). Ср. здесь примеры косвенного выражения признака:

[87] этот почет по нынешним временам ни к чему ('лишний'); да ведь по нынешним временам за это могут расстрелять! ('опасно'); по нынешним временам подвиг и пол.

Существенно, что глагольные контексты XIX века сегодняшнему носителю уже кажутся шероховатыми, ср.:

[88] Купцу, по нынешним временам, расточать нечего (1874); По нынешним временам только бы над ней и тешиться, а ее нет! (1879-1898); Таких, по нынешним временам, везде много развелось (1892) и др.

Таким образом, в глагольной зоне в современном русском по нынешним временам уже не может конкурировать с на сегодняшний день, сохранившем, как мы помним, стативы как объект своей сферы действия наряду с признаками. Но, как выясняется, несмотря на кажущуюся близость, в признаковой зоне они тоже далеко не всегда могут быть конкурентами ввиду того, что каждая из них предлагает свой взгляд на вещи. Действительно, как мы помним, на сегодняшний день в характерных для него признаковых контекстах является своего рода интенсификатором превосходной степени, имея при этом в виду накопление некоторого результата, а значит, по умолчанию выражает идею развития, - в частности, движения вверх (ср. примеры [80-81]: самый эффективный, самые невесомые из всех известных). По нынешним временам наоборот, предполагает отрицательную оценку современного состояния жизни и рисует процесс деградации, характерный для текстов, описывающих период упадка - в особенности, политических, экономических, философских и художественных.

Если попробовать описать в общем виде место этого оператора в квазиграмматической системе, можно сказать, что он предлагает оценочную коррекцию значения признака, связанную с особыми условиями оценки.

Получается, что в общем случае эти операторы, скорее, антонимичны – прежде всего, за счет заложенных в них импликатур. Ср. здесь в качестве иллюстрации их действие в близком контексте – и соответствующие им интерпретации:

- [89] На сегодняшний день это лучшие показатели = 'лучше их нет'
- [90] По нынешним временам это очень хорошие показатели = 'на самом деле они плохие, но времена таковы, что и их следует считать очень хорошими'.

Об источниках оптимизма

И все-таки, есть класс текстов, который отражает мир, где, с точки зрения, в целом, как мы видели, чрезвычайно пессимистического оператора по нынешним временам, упадка и деградации нет — это мир техники. Поэтому в технических статьях он используется иначе. В этом мире все современное, нынешнее — это новейший хайтек, и даже лексема времена в нем, вопреки форме множественного числа, теряет отрицательную ауру. По умолчанию они задают эталонный уровень технических устройств — с ним сравниваются технические параметры, которые обсуждаются и которые всегда до него не дотягивают — это и выражает признак, который оказывается в сфере действия по нынешним временам:

- [91] По нынешним временам и это выглядит старомодно: современные люки имеют один орган управления. (Автопилот, 15.10.2002)
- [92] Собственно говоря, того, что 375 литров не так уж много по нынешним временам, просто не замечаешь. (Автопилот, 15.5.2002)
- [93] И Дмитрию Сергеевичу снова пришлось подняться и снова совершить путешествие к старомодному по нынешним временам переговорному устройству. (Михаил Кураев, Белый полотияный портфельчик, 2001)
- [94] Компьютеров тогда не было. Да, примитивная **по нынешним временам** технология. (Марк Харитонов, *Игра с собой*, 2004)
- [95] Руль, делающий от упора до упора три оборота, **по нынешним временам** не назовут быстрым. (*За рулем*, 15.3.2004)

Любопытно, что несмотря на потерю отрицательной оценки времени как такового, свободная замена на оператор *на сегодняшний день* все равно не происходит: у каждого остается своя ниша — благодаря тому, что *на сегодняшний день* эксплицитно задает максимальное значение признака как уже достигнутое в результате изменений и свойственное теперь объекту, а *по нынешним временам* — наоборот, указывает на недостаточность имеющегося значения по сравнению в невыраженным максимумом, свойственным «нынешним временам», ср. [94'] ?Да, примитивная на сегодняшний день технология.

И еще одна жизнеутверждающая, с точки зрения оператора *по нынешним временам*, зона: человеческий возраст. Здесь тоже нет упадка: продолжительность жизни растет, и то, что раньше было старостью, по нынешним временам оказывается молодостью, ср.:

[96] **По нынешним временам**, можно сказать, мальчишеский возраст. (Семен Данилюк, *Рублевая зона*, 2004)

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Н. Д.; Ширяев, Е. Н. 1983. Русское предложение: бытийный тип (структура и значение). М., Наука.
- Борщев, В. Б.; Парти, Б. Х. 2002. «О семантике бытийных предложений», *Семиотика и информатика*, вып. 37, с. 59-78.
- ГРИГОРЬЕВ В. П., ШЕСТАКОВА Л. Л. (ред.). 2001. Словарь языка русской поэзии *XX века*, т. І. М., Языки русской культуры.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (ред.). 1983. Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. М., Наука.
- Кузнецова, Ю. Л. 2010. «Русская конструкция с предлогом *по* и проблема неаккузативности», Е. В. Рахилина (сост.). *Лингвистика конструкций*. М., Азбуковник.
- Ляшевская, О. Н.; Рахилина, Е. В. 2008. «Многозначность сквозь призму дискурса», А. Мустайоки и др. (ред.). *Инструментарий русистики: корпусные подходы*. Helsinki, с. 217-233 (Slavica Helsingiensia, 34).
- МЕЛЬЧУК, И. А. 1995. «Сейчас и теперь в современном русском языке», Русский язык в модели «Смысл-Текст». Москва; Вена, с. 55-79.
- ПАДУЧЕВА, Е. В. 1997. «Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика?», *Вопросы языкознания*, № 2, с. 101-116.
- Плунгян, В. А. 1997. «ВРЕМЯ и ВРЕМЕНА: к вопросу о категории числа», Н. Д. Арутюнова и Т. Е. Янко (ред.), Логический анализ языка: язык и время. М., Индрик, с. 158-169.
- Плунгян, В. А. 2002. «К семантике русского локатива ("второго предложного" падежа)», Семиотика и информатика, вып. 37, с. 229-254.
- Плунгян, В. А. 2011. Введение в грамматическую семантику. М., РГГУ.
- Рахилина, Е. В. (сост.). 2008. Объектный генитив при отрицании в русском языке. М., Пробел-2000.
- Рахилина, Е. В.; Кузнецова, Ю. Л. 2010. «Грамматика Конструкций: теории, сторонники, близкие идеи», Е. В. Рахилина (сост.). *Лингвистика конструкций*. М., Азбуковник.
- Рахилина, Е. В.; Резникова, Т. И.; Карпова, О. С. 2010. «Семантические переходы в атрибутивных конструкция: метафора, метонимия и ребрендинг», Е. В. Рахилина (сост.). *Лингвистика конструкций*. М., Азбуковник.
- BABBY, L. 1980. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor, Caroma.
- GEERAERTS, D. 1988. «Cognitive grammar and the history of lexical semantics», B. RUDZKA-OSTYN (éd.), *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Benjamins, pp. 647-677.
- GUIRAUD-WEBER, M. 1984. les Propositions sans nominatif en russe moderne, Paris, Institut d'études slaves.

- HASPELMATH, M. 1997. From space to time: Temporal adverbials in the world's languages. München, Lincom Europa.
- MICHAELIS, L. A. 2005. Entity and event coercion in a symbolic theory of syntax, in J.-O. ÖSTMAN, M. FRIED (eds.). *Construction Grammars: Cognitive Grounding and Theoretical Extensions*. Amsterdam, Benjamins, pp. 45-88.
- NESSET, T. 2004. «Case assignment in Russian temporal adverbials: an image schematic approach», *Glossos*, 5 http://www.seelrc.org/glossos/issues/5/nesset.pdf

РЕЗЮМЕ

В статье на материале Национального корпуса русского языка предлагаются три небольших исследования, посвященных семантической эволюции в языке XVIII-XX вв. (i) наречия ввечеру, (ii) существительного жуть и прилагательного жуткий, а также (iii) двух конструкций в начальной стадии грамматикализации с близким (но не тождественным) значением: на сегодняшний день и по нынешним временам.

Исследования иллюстрируют возможность корпусных методов для описания тонких диахронических процессов семантических сдвигов и изменения употребительности языковых единип.

SUMMARY

The paper contains three small case studies (based on the data from Russian National Corpus) dealing with semantic evolution of various linguistic units from 18th to 20th century Russian. These cases are: (i) the adverb ввечеру 'in the evening' (now obsolete), (ii) the noun жуть 'dismay, dread' and the adjective жуткий 'dreadful, fearful', as well as (iii) two constructions at the initial stage of grammaticalization with a close, though not identical meaning: на сегодняшний день 'to date, thus far' and по нынешним временам 'as times go'. The study illustrates the use of corpus-based methods for describing subtle diachronic processes of semantic shifts and frequency variations.